

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и его дочь.

Его не сломитъ неудача,
Не упонгъ его утѣхъ.

Князь Вяземскій.

Имя Михаила Николаевича Муравьева принадлежитъ Исторіи. Начало его біографіи составлено Кропотковымъ, но за смертію почтеннаго автора трудъ этотъ пріостановился. Быть можетъ, и не слѣдуетъ особенно сожалѣть объ этомъ, такъ какъ для безпристрастной оцѣнки дѣятельности Муравьева еще не наступило время. Мои личныя воспоминанія относятся къ нему только, какъ къ частному человѣку, въ его домашней и семейной обстановкѣ, съ которою неразрывно соединяется имя его дочери.

Бываютъ личности, которыя, благодаря случайнымъ условіямъ жизни, проходятъ вѣкъ свой едва замѣтными для постороннихъ; только въ тѣсномъ кругу семьи потеря ихъ оставляетъ неизгладимый слѣдъ, и мѣсто ихъ остается навсегда празднымъ и незамѣтнымъ. Только съ утратою такихъ лицъ сознается вполне ясно значеніе ихъ для близкихъ.

Между тѣмъ, по дарованіямъ, по особенностямъ характера и душевному развитію эти люди, поставленные въ соприкосновеніе къ событіямъ общественной жизни, не остались бы не замѣченными. По благотворному вліянію своему, неукротимой силѣ воли, здравому уму и горячему, всегда юному, сердцу они оставили бы глубокой слѣдъ въ современной имъ средѣ. Они могли бы и живительно вліять на нее, воодушевляя на все доброе и возвышенное, поддерживая примѣромъ своимъ стойкость убѣжденій, горячую любовь къ родинѣ, вѣрность и постоянство въ сношеніяхъ дружбы.

Къ такимъ личностямъ, преждевременно сломленнымъ бурей жизни, среди испытаній мелкими, но жгучими заботами, принадлежала Софія Михайловна Шереметева. Единственная дочь Михаила Николаевича Муравьева, она родилась 15 Сентября 1833 года въ Гроднѣ, гдѣ отецъ ея былъ въ то время губернаторомъ. Она росла въ семьѣ какъ бы отдѣльно отъ братьевъ и въ иномъ, сравнительно съ ними, положеніи. Дѣтство и молодость ея прошли въ довольствѣ и покоѣ. Свѣта она мало касалась. Михаилъ Николаевичъ не могъ быть человѣкомъ „свѣтскимъ“, и характеръ его отразился на дочери, которая любила его безпредѣльно.

Въ ранней молодости у нея были привязанности и пристрастія. Она была впечатлительна и даровита. Настроеніе у нея было музыкальное; она была одною изъ лучшихъ ученицъ Гензелъта, и трогательная дружба ихъ не измѣнялась до конца.

Уже взрослою дѣвушкою она сблизилась съ двоюродною своею сестрою Варварой Алексѣвной Шереметевой, съ которою долгое время вмѣстѣ жила, путешествовала въ Крымъ и выѣзжала въ свѣтъ. Это было въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ. Съ дѣтства помню я неразлучныхъ двоюродныхъ сестеръ; обѣ молодыя и красивыя, онѣ не затемняли другъ друга. Небольшого роста, съ ярко-русыми волосами, Софія Михайловна отличалась веселостью нрава и простотою; въ ней была особая прелесть, и тонкая улыбка придавала этому лицу необычное выраженіе. Въ немъ было сочетаніе здравомыслія и добродушія съ легкою ироніей.

Сколько разъ видѣлъ я ихъ у насъ, на Фонтанкѣ, въ домовоіи церкви; онѣ стояли по сторонамъ выходной двери изъ образной, противъ плащаницы... Помню, какъ бывало заходили онѣ ко мнѣ и разговаривали съ моимъ воспитателемъ m-r Rouget, который ими восхищался. „Варинька Шереметева“ и „Соня Муравьева“ были неразлучны и радовали собою обѣ семьи, въ которыя вносили молодую, беззаботную жизнь и веселіе.

Обѣ вышли замужъ... Жизненные пути ихъ отдалились и нѣсколько разошлись, но прошлое не могло быть забыто. Въ 1857 г. Варвара Алексѣвна вышла замужъ за графа Владимира Ивановича Мусина-Пушкина. Это была большая семейная радость. Родители Софіи Михайловны не могли не думать о будущемъ своей дочери... и желали ей счастливаго брака. Неожиданно представился ей совершенно непредвидѣнный случай выйти за мужъ за близкаго родственника. То былъ дядя С. С. Шереметевъ, женатый на княжѣ В. П. Горчаковой и овдовѣвшій въ 1853 году.

Неожиданность этой возможности ее смутила; мысли ея были далеки от подобнаго предположенія, къ тому же родители ея не имѣли въ виду этого брака. Она безъ колебанія отказала... Это было въ разгаръ восточной войны 1853—1856 г. С. С. Шереметевъ вторично поступилъ тогда на военную службу въ Киевскій гусарскій полкъ и отправился въ Севастополь, гдѣ служилъ ординарцемъ у главнокомандующаго князя М. Д. Горчакова и остался до конца осады, участвуя въ сраженіи подъ Черной и въ день взятія Севастополя...

Возвращеніе его по окончаніи похода не охладило его чувства. Тогда Софія Михайловна, тронутая постоянствомъ, дала свое согласіе.

Они вѣнчались въ Москвѣ въ нашей домово́й церкви Знаменія Божіей Матери на Воздвиженкѣ въ 1856 году. Тогда еще жива была бабушка Варвара Петровна Шереметева.

Первое время прожила Софія Михайловна въ Коломенской деревнѣ мужа, въ селѣ Лаптевѣ. Съ ними жилъ тогда докторъ Левъ Карловичъ Эйсымонтъ. Послѣ смерти В. П. Шереметевой они совѣмъ переѣхали въ Петербургъ, гдѣ поселились съ родителями. Какъ министръ Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, Михаилъ Николаевичъ жилъ въ Удѣльномъ домѣ на Литейной.

Съ этого времени я сталъ чаще бывать у нихъ. Софія Михайловна болѣе уже не разлучалась съ своими родителями—зимою въ Удѣльномъ домѣ, лѣтомъ въ имѣніи Лужскаго уѣзда, въ селѣ Сырцѣ.

Она сдѣлалась матерью многочисленнаго семейства. Всего у ней было одиннадцать человѣкъ дѣтей.

Старшихъ она лишилась въ самый разгаръ Польскаго возстанія, когда послѣдовала за отцомъ въ Вильну.

Послѣдній годъ прожила она съ родителями на Сергіевской въ купленномъ отцомъ ея домѣ, нынѣ принадлежащемъ дѣтямъ Софіи Михайловны. Это три періода ея жизни: жизнь въ Удѣльномъ домѣ, Виленское пребываніе и окончательное водвореніе въ домѣ на Сергіевской, гдѣ она лишилась родителей.

Отца ея М. Н. Муравьева помню я въ первый разъ въ домово́й нашей церкви на Фонтанкѣ... вмѣстѣ съ другими членами семьи онъ выходилъ изъ образной для принятія Св. Таинъ. Ребенкомъ возили меня къ нему и къ женѣ его Пелагеѣ Васильевнѣ, когда они жили еще у Пяти Угловъ въ домѣ Семенова. Въ первой комнатѣ припоминается мнѣ Китайская пагода изъ слоновой кости. Въ одной изъ гостиныхъ было у окна возвышеніе, окруженное трельяжемъ съ плющемъ.

Позднѣ переѣхали они на Кабинетскую улицу въ домъ Есаулова. Бывалъ я довольно часто въ этой веселой квартирѣ, съ большой залой по серединѣ. Въ кабинетѣ Михаила Николаевича висѣла большая карта Туркестанскаго края и Хивы. Изъ дома Есаулова переѣхали они на Литейную, когда Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ министромъ Государственныхъ Имуществъ, вмѣсто заболѣвшаго Василя Александровича Шереметева.

Помню хорошо этотъ Удѣльный домъ на Литейной съ широкою, открытою лѣстницею, съ просторными глубокими комнатами, съ помѣстительной длинной столовой. Вижу Михаила Николаевича въ его роскошномъ министерскомъ кабинетѣ, на двое раздѣленномъ высокими полированными шкапами, съ смежною билліардной и парадными гостинными съ желтыми и красными тяжелыми занавѣсами. Въ этихъ парадныхъ комнатахъ рѣдко сидѣли. По воскреснымъ днямъ вся наличная семья собиралась къ обѣду, послѣ котораго всѣ удалялись въ кабинетъ Михаила Николаевича, гдѣ его вѣрный и старый слуга Василій Федоровъ подавалъ ему трубку жукова табаку, и онъ помѣщался въ обычныхъ своихъ покойныхъ креслахъ, и вся семья вокругъ него—иные играли на билліардѣ; дѣти Софіи Михайловны прибѣгали къ нему за рябиною пастилою или *pastilles de Vichy* и получали ихъ изъ рукъ дѣда.

Воскресные обѣды были довольно многолюдны. Собирались наличная семья и близкіе. Все на этихъ обѣдахъ происходило по однажды заведенному порядку. Сначала гости собирались въ большой гостиной вокругъ Пелагеи Васильевны. Минуть за 10 до обѣда приходилъ Михаилъ Николаевичъ. Въ 5 ч. сѣдлись за столъ. Пелагея Васильевна во главѣ, а Михаилъ Николаевичъ въ сторонѣ по лѣвую руку.

Въ этомъ же Удѣльномъ домѣ жила иногда и Екатерина Сергѣевна Шереметева съ своею семьею. Михаилъ Николаевичъ былъ съ нею очень друженъ и въ шутку всегда называлъ ее „*belle femme*“. За столомъ всегда шелъ оживленный и интересный разговоръ, душею котораго бывалъ всегда Михаилъ Николаевичъ.

Помню, какъ меня кто-то спросилъ, куда я готовлюсь и чѣмъ буду. Я затруднился отвѣтомъ. Михаилъ Николаевичъ вступился за меня и сказалъ: „А ты отвѣчай, что будешь прежде всего человѣкомъ“.

Послѣ обѣда всѣ подходили благодарить хозяевъ, и Михаилъ Николаевичъ привѣтливо всѣмъ говорилъ „здравствуйте“.

Софія Михайловна жила со своею семьей въ другой половинѣ дома, отъ параднаго крыльца на-лѣво. И здѣсь высокія и просторныя свѣтлыя комнаты, но въ нихъ было довольно пусто.

Семейныя заботы начинали давать себя чувствовать. Софіи Михайловнѣ приходилось бороться съ сложными, утомительными заботами. Въ отцѣ своемъ она всегда находила нравственную поддержку и твердую и неизмѣнную опору. Они становились другъ другу все ближе, и Михаилъ Николаевичъ окружалъ ее нѣжною, постоянною заботою, повѣря ей зачастую свои мысли и чувства, не скрывая никогда и политическихъ взглядовъ своихъ, и она цѣнила глубоко это довѣріе и не злоупотребляла имъ.

Здѣсь въ Удѣльномъ домѣ собирались многіе изъ близкихъ и друзей и сослуживцевъ—цѣлое общество, нынѣ почти не существующее: сенаторъ В. И. Булыгинъ съ семьею, графъ Ю. И. Стенбокъ, И. М. Гедеоновъ, баронъ Дельвицъ, А. А. Зеленый, братья Муравьевы, Андрей и Сергій Николаевичи, Шереметевы, Шаховскіе, Булычевы, Е. Н. Давыдова, Е. И. Шостаковъ, Мусинъ-Пушкинъ. У Софіи Михайловны бывали Иславины, Алябьевы, иногда Валуевы. У Пелагии Васильевны—Тютчевы. Домашнимъ врачомъ былъ почтенный докторъ Персонъ, старый другъ дома; позднѣе, по смерти его, Варенуха.

Живо помню то время, передъ началомъ Польскаго возстанія 1863 года. Михаилъ Николаевичъ уже не былъ министромъ Государственныхъ Имуществъ. Онъ готовился къ выѣзду изъ Удѣльнаго дома. Странно было видѣть Михаила Николаевича въ его рабочемъ кабинетѣ, куда, бывало, проникали къ нему только съ дѣлами; теперь же онъ весь день принималъ гостей и, какъ частное лицо, со стороны наблюдалъ за ходомъ дѣлъ.

Однажды пришлось мнѣ у него встрѣтиться съ Софіею Петровной Апраксиной, дочерью графа Петра Александровича Толстаго. Между семьей ея и Муравьевыми были давнія дружескія отношенія еще съ Москвы. Софія Петровна рассуждала о трудности положенія въ виду вспыхнувшаго возстанія и говорила, что безъ участія Муравьева дѣло не обойдется. Михаилъ Николаевичъ только улыбался и отшучивался, напирая на то, что „устарѣлъ“.

А между тѣмъ дѣла шли все хуже, и общественное мнѣніе все громче и сильнѣе вызывало Муравьева. Наконецъ состоялось давно желанное назначеніе... Кабинетъ Михаила Николаевича вдругъ преобразился; въ Удѣльномъ домѣ опять закипѣла жизнь и началась усиленная дѣятельность.

Изъ этого Удѣльнаго дома отправлялся Михаилъ Николаевичъ въ Вильну. Я присутствовалъ при напутственномъ молебствіи. Строго сосредоточенно, но вмѣстѣ просто и привѣтливо разстался онъ со

всѣми. Вся семья его проводила до Вильны, гдѣ поселилась съ дѣтьми и Софія Михайловна.

Виленскую обстановку ихъ видѣлъ я только однажды, когда проѣздомъ изъ-за границы, во время Польскаго возстанія, провелъ дня два у Михаила Николаевича въ Вильнѣ и остановился въ мрачномъ генераль-губернаторскомъ домѣ. Здѣсь держался тотъ же Петербургскій порядокъ; сидѣли у него послѣ обѣда въ кабинетѣ, пока онъ не отправлялся отдыхать. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать въ театръ, гдѣ, не смотря на военное положеніе, были представленія и въ то время игралъ извѣстный комикъ Васильевъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Михаилъ Николаевичъ поселился въ своемъ недавно купленномъ домѣ на Сергіевской.

Съ покупкою же дома и водвореніемъ на Сергіевской начинается иное время, еще болѣе трудное и сложное для Михаила Николаевича, уже тогда нѣсколько одряхлѣвшаго послѣ неустанной и неутомимой дѣятельности.

Жилъ онъ въ нижнемъ этажѣ и принималъ весь городъ. Многіе пріѣзжали къ нему изъ губерній, чтобы его привѣтствовать и лично выразить ему чувство радости и благодарности за великую службу Отечеству. Но и здѣсь въ Петербургѣ его отдыхъ былъ кратковремененъ: ему пришлось принимать на себя новую тяжелую отвѣтственную заботу.

Никогда не забуду странной моей съ нимъ встрѣчи въ это тяжелое время. Въ верхнемъ этажѣ Муравьевскаго дома, на Сергіевской, жилъ тогда одинъ изъ полковыхъ моихъ товарищей. Къ нему иногда собирались, ужинали и засиживались до разсвѣта. Однажды, въ пятомъ часу утра, спускаюсь я съ другимъ товарищемъ, княземъ В. Н. Гагаринымъ. Мы уже дошли почти до низу, когда у подъязда остановилась карета. Дверь отворилась и, медленно подвигаясь, съ трудомъ поддерживаемый съ двухъ сторонъ подъ руки, поднялся по ступенямъ Михаилъ Николаевичъ!..

Мы посторонились. Онъ взглянулъ на насъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и поклонился. Намъ сказали, что такой поздній его пріѣздъ не рѣдкость. Онъ только-что возвращался со службы... Такъ неутомимъ былъ этотъ человекъ до послѣдняго своего дня.

Настоящій отдыхъ находилъ онъ только въ любимомъ имъ Сырцѣ... Здѣсь проводила съ нимъ время и Софія Михайловна съ семьею... Здѣсь онъ и скончался 29 Августа 1866 г.

Я помню его похороны въ Александро-Невской Лаврѣ. Настроеніе было торжественное и строгое. Былъ Государь. Послѣ погребенія

онъ повелъ подъ руку Софію Михайловну; она воспользовалась этою минутой, чтобы сказать ему, кого онъ теряетъ въ лицѣ Муравьева и сказала это порывисто, съ глубокимъ волненіемъ.....

Лично ко мнѣ Михаилъ Николаевичъ былъ всегда неизмѣнно привѣтливъ и благосклоненъ. Онъ всегда интересовался хозяйствомъ, разспрашивалъ о положеніи дѣлъ послѣ 1861 года, давалъ совѣты; разъ даже устроилъ у себя по этому поводу засѣданіе, на которомъ присутствовали нашъ повѣренный, князь Ѳ. М. Касаткинъ-Ростовскій и сенаторъ В. И. Булыгинъ; засѣданіе это было поучительно. Въ сужденіяхъ своихъ онъ не былъ уклончивъ, ясность мыслей его была очень выразительна. Когда рѣчь шла о людяхъ ему не сочувственныхъ, онъ опредѣлялъ ихъ мѣтко и безъ запинки.

Государственная мысль не покидала его никогда, и любилъ онъ дѣлиться съ Софіей Михайловной своими впечатлѣніями, нерѣдко сообщалъ ей многое, что для другихъ было сокровенно.

Вообще въ домашнемъ быту Михаилъ Николаевичъ былъ простъ и добродушенъ, привѣтливъ и гостепріименъ. Видно было, что онъ росъ и воспитанъ въ коренной, деревенской Русской средѣ, и притомъ въ средѣ мыслящей, предприимчивой, дѣятельной и высоко даровитой.

Съ семействомъ Шереметевыхъ онъ сохранялъ неизмѣнно дружескія отношенія. Онъ глубоко уважалъ и цѣнилъ бабушку Екатерину Васильевну. Кто имѣлъ понятіе о личности его тещи Надежды Николаевны, урожденной Тютчевой, тому оставалось только сожалѣть, что лишенъ былъ возможности видѣть ихъ вмѣстѣ. Начало ихъ знакомства относится къ двадцатымъ годамъ столѣтія. Сложное, любопытное время, когда подъ сѣнью Покровскаго дома жили люди полные огня и самоотверженія, когда Надежда Николаевна являлась центромъ и средоточіемъ цѣлой группы людей выдающихся, переписку и сношенія съ коими, какъ на примѣръ съ Жуковскимъ и Гоголемъ, она продолжала до конца своихъ дней († 1850). На Гоголя она имѣла особенное вліяніе въ отношеніи религіозномъ.

Дочь ея Пелагея Васильевна вышла замужъ совсѣмъ молодою дѣвушкою и вѣнчалась въ церкви села Покровскаго. Ей только минуло 16 лѣтъ; сестра ея Анастасія Васильевна была замужемъ за декабристомъ И. Д. Якушкинымъ. Въ молодости онѣ были очень красивы. Пелагея Васильевна въ то время, когда я ее засталъ, была уже почти старушкой, она могла, когда хотѣла, быть очень пріятной и остроумной. Но въ ней не было простоты и подкупающаго добродушія Михаила Николаевича.

Между тѣмъ, Софія Михайловна все глубже и глубже погружалась въ житейскія заботы, съ многочисленной семьей на рукахъ, лишенная твердой отцовской опоры...

Въ 1871 г. скончалась ея мать графиня Пелагея Васильевна, дочь Василя Петровича и Надежды Николаевны Шереметевыхъ, скончалась неожиданно въ церкви въ Пасхальную литургію; въ то самое время, когда священникъ произнесъ: „благословеніе Господне на васъ“, она опустила на колѣни и уже не встала.

Софія Михайловна осталась *одна*. Все сильнѣе одолевали ее заботы, она продолжала борьбу жизни твердо и безропотно, но силы ея уже были давно надломлены. Въ это время я чаще всего ее видѣлъ, и это время особенно осталось у меня въ памяти... Она искала отдыха и развлечения въ музыкѣ; устраивала вечера, очень мнѣ памятные, оставившіе свѣтлое воспоминаніе. Старикъ Гензельтъ навѣщалъ ее; она давно уже почти бросила фортепіано, но я еще слышалъ ея игру изящную, умную и увлекательную.

Пріѣзжала къ ней иногда Анна Карловна Лешетицкая-Фридебургъ и пѣла Шумана, Шуберта, Даргомыжскаго. В. П. Опочининъ также былъ въ числѣ ее обычныхъ посѣтителей. Особенно выразительно пѣлъ онъ „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ“. Бывалъ и любительпѣвецъ Иванъ Александровичъ Кавелинъ. Какъ оживлялась Софія Михайловна, когда онъ съ особеннымъ чувствомъ распѣвалъ романсъ Всеволожскаго, и особенно фразу

„Чу, аккордъ, и льются звуки“,—

какъ еще смѣялась на этихъ вечерахъ, забывая тревоги, дразги и мелочи жизни.

Въ это же время часто бывалъ у нея графъ А. В. Бобринскій, съ которымъ она была очень дружна. Ей посвятилъ онъ когда-то слѣдующее четырехстишіе:

„Ужели ты не утратила
Въ себѣ восторговъ юныхъ пылъ,
Иль жизнь тебя не задавила,
И чувства пламень не остылъ?“

Сколько пріятныхъ вечеровъ, сколько впечатлѣній и разговоровъ, навсегда остающихся въ памяти: какъ любилъ онъ съ нею шутить, смѣялся надъ ея увлеченіями и желаніемъ перевоспитать случайно проживавшаго у нея въ Сырцѣ педагога съ воззрѣніями черезъ-чуръ алаго цвѣта, но человѣка неглупаго, сумѣвшаго ее заинтересовать и завлечь въ эти разговоры. Это было время борьбы различныхъ теченій, отра-

жавшихся въ литературѣ. Приѣзжалъ къ Софіи Михайловнѣ и Маркевичъ читать ей вслухъ свое новое произведеніе *Марина изъ Алаю Рога*, и читалъ онъ очень хорошо; мы были въ числѣ слушателей вмѣстѣ съ графомъ А. В. Бобринскимъ. Сколько бывало оживленныхъ и любопытныхъ бесѣдъ. Современные вопросы были ей не чужды, они ее занимали и безъ этого особаго міра интересовъ общественныхъ она не могла бы примириться съ мелочами обыденной жизни. Ей нужны были эти интересы, эти заботы и эта борьба.

А жизнь становилась все сложнѣе и сложнѣе; утраты слѣдовали за утратами; дѣти подростали; сыновья были предметомъ особыхъ ея заботъ и попеченій. Болѣзненно слѣдила она за ними. Здоровье ея сильно пошатнулось, она страшно исхудала: ни кровинки не было на лицѣ; силы надрывались. Это была тѣнь прежней Софіи Михайловны, но все еще полная жизни, все еще способная воспламеняться, скорбѣть, негодовать и принимать къ сердцу то, что для многихъ пустой звукъ...

Софія Михайловна любила поэзію. Графъ Бобринскій нерѣдко читалъ ей вслухъ стихи Пушкина, Alfred de Musset, ея любимые стихи *Sur trois marches de marbre rose*, или графа Алексѣя Толстаго. Ей особенно нравилось слѣдующее его стихотвореніе:

„О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.
Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки
Послѣдній часъ въ созвучіе сольетъ;
Въ одинъ порывъ смѣшаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучать,
И разрѣшить торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ“.

Она очень любила Сырецъ. Деревенская жизнь и чистый воздухъ ей помогали.

Село Сырецъ, родовое имѣніе Муравьевыхъ, въ 15 верстахъ отъ города Луги и въ 3 отъ границы Новгородской губерніи. Это любимое уединеніе Михаила Николаевича Муравьева. Сюда удалялся онъ для отдыха отъ трудовъ и дѣлъ. Здѣсь прожилъ онъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, и здѣсь же въ самый день освященія сельской церкви 29 Августа 1866 г. онъ скончался. Построеніе этой церкви было предметомъ его давнихъ заботъ. Церковь деревянная, красивой архитек-

туры по плану архитектора Рязанова. Въ ней хранятся и понынѣ вклады двухъ митрополитовъ: Литовскаго Юсифа и Московскаго Филарета. Послѣдній пожертвовалъ Евангеліе, на которомъ собственная его надпись: „Богъ-Слово, глаголющій въ Евангеліи, да возглаголетъ слово Своего божественнаго и дѣйственнаго благословія на раба Своего боярина графа Михаила къ миру и спасенію его. Въ Геесиманскомъ скитѣ, Іюля 11 дня 1866 г.“.

Въ самый разгаръ дѣятельности, еще будучи министромъ, Михаилъ Николаевичъ неустанно слѣдилъ за Сырцомъ; помню я на столѣ его планы и описанія этого имѣнія. Доставшееся ему отъ отца, довольно запущенное, оно было имъ обновлено. Онъ построилъ существующій нынѣ просторный, удобный и красивый домъ, службы; выстроилъ вѣтряную мельницу, скотный дворъ...

Мѣстоположеніе живописное. Садъ расположенъ по скату къ большому пруду. Около усадьбы большой фруктовый садъ, за которымъ березовая роща, славящаяся грибами. Эту рощу особенно любилъ дядя С. С. Шереметевъ, потому что она напоминала ему дѣтство и рощи Волочановскія.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сырца другое Муравьевское родовое имѣніе село Мроткино, нынѣ проданное, съ церковью и могилами Муравьевыхъ. Здѣсь похороненъ отецъ Михаила Николаевича, Николай Николаевичъ, основатель училища Колонновожатыхъ въ Осташовѣ, и дѣдъ его Николай Ерофеевичъ Муравьевъ. Окрестности Сырца, какъ и вообще Лужскій уѣздъ, живописны: много рѣчекъ и озеръ. Недалеко также большое озеро Череменецкое, окруженное лѣсомъ, съ деревнями на берегу, съ красивой усадьбой Г. А. Глинки-Маврина, село Нѣжгогицы, а посреди озера, на острову, величественно возвышается Череменецкій Іоанна Богослова монастырь съ бѣлѣющими стѣнами и зданіями, окруженный вѣковыми деревьями и садами, съ живописнымъ кладбищемъ. Во все стороны открываются прекрасные виды. Мѣсто привольное. Здѣсь въ древнихъ монастырскихъ синодикахъ видѣлъ я записаннымъ весь коренной Новгородскій родъ Муравьевыхъ. Здѣсь же записаны и родственные имъ Мордвиновы. По берегу Череменецкаго озера было имѣніе Вѣры Алексѣевны Муравьевой, жены декабриста, и ея сына Александра Артамоновича, къ которому Софія Михайловна была очень расположена. Онъ похороненъ въ Череменецкомъ монастырѣ.

Сырецкій домъ съ виду небольшой, но помѣстителенъ, и на немъ лежитъ какой-то особый отпечатокъ прошлаго. Софія Михайловна очень

любила Сырецъ. Здѣсь жила она, окруженная дорогими семейными воспоминаніями; здѣсь каждый шагъ напоминалъ ей отца—и ее радовало, что и молодое поколѣніе росло подѣ тѣми же впечатлѣніями и въ той же дорогой ей обстановкѣ. Небольшія комнаты, обшитыя деревомъ стѣны, на которыхъ висятъ портреты-дагеротипы въ старомодныхъ рамахъ.

У дяди Сергѣя Сергѣевича здѣсь была цѣлая кладовая разныхъ хозяйственныхъ вещей, инструменты, посуда, остатки прежней аммуниціи, ружья. Онъ большой былъ охотникъ до садоводства и огородничества. Комнатъ въ домѣ много, всѣ помѣстительны и удобны. О Сырцѣ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Н. Н. Муравьевъ.

Петербургская обстановка Муравьева не отличалась роскошью, но все было просто, практично и обдуманно. Большой масляными красками портретъ Петра Великаго висѣлъ на стѣнѣ, столъ съ ящиками и папками для бумагъ, альбомы, поднесенные ему въ Вильнѣ, иконы и модель генераль-губернаторскаго дома изъ серебра. Въ гостиной неизмѣнно красовались двѣ вазы Петергофской фабрики, пожалованныя покойнымъ Государемъ. Два кресла, копіи съ подлинныхъ креселъ царя Алексѣя Михайловича, всегда находились въ его кабинетѣ и какое-то кресло, обшито зеленымъ сафьяномъ, самой необычной формы, но удобное, въ видѣ ящика,—въ которомъ всегда сидѣлъ Михаилъ Николаевичъ. Кто изъ близко знавшихъ Михаила Николаевича не помнитъ этого сафьяннаго кресла? Когда бывало соберется вокругъ Михаила Николаевича семья, можно было заслушаться его рѣчей; всегда ко всѣмъ привѣтливый, любилъ онъ задавать вопросы, иногда рассказывалъ изъ прошлаго, но всего болѣе жилъ животрепещущими интересами настоящаго. Сѣдая выразительная голова, съ коротко обстриженными сѣдыми усами, довольно тучный съ короткою шеєю, но живыми, пронизательными глазами, этотъ, грозный по преданію, человекъ владѣлъ даромъ привязывать къ себѣ людей; а молодежь, къ которой онъ всегда былъ расположенъ, не испытывала при немъ никакого чувства стѣсненія. При немъ, напротивъ того, можно было ощущать какое-то успокоительное чувство—сознаніе воплощенной въ немъ силы воли и ума чисто русскаго и глубокаго чувства національнаго достоинства.

Особенно заботилась Софія Михайловна о Сырецкой церкви, о томъ, чтобы она поддерживалась и содержалась въ порядкѣ. Какъ она, такъ и дядя Сергѣй Сергѣевичъ желали, чтобы она обращена была въ приходскую, но они не успѣли этого достигнуть. Между тѣмъ церковь

эта имѣеть отчасти историческое значеніе, и ее слѣдуетъ сохранить и поддержать. Въ ней хранится слѣдующее письмо къ М. Н. Муравьеву отъ митрополита Филарета:

„Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь!“

„Къ труднымъ подвигамъ, но невидимымъ, безъ сомнѣнія, Маноушеніемъ Провидѣнія Божія, призываетъ васъ верховная власть, и при томъ такъ, что на призывающей гласъ Царя съ сильнымъ сочувствіемъ откликается голосъ народа“.

„И теперь, встревоженное страшною минутой Отечество съ участіемъ заботы и надежды взираетъ на Вашъ подвигъ, и ревностные сыны его молятъ Бога, чтобы вамъ дано было достаточно крѣпости и средствъ обнаружить и упразднить корень зла, чтобы онъ не прозябалъ болѣе“.

„Съ утѣшеніемъ узналъ я, что среди труднаго подвига служенія Царю и Отечеству, вы въ то же время совершаете добровольный подвигъ служенія Богу—созидаете храмъ Господень“.

„Примите на престоль сего храма святое Евангеліе, приносимое отъ моего усердія, съ призваніемъ вашей душѣ, вашему житію и вашимъ дѣяніямъ благословенія земнаго и небеснаго, отъ времени до вѣчности“.

„Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга“

„Филаретъ М. Московскій“.

„11 Іюля 1866“.

Помню живо одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Сырецъ. Софія Михайловна была уже довольно слаба и изнурена; но оживленіе ея не покидало; она за всѣмъ слѣдила, всѣмъ интересовалась, все принимала къ сердцу, хлопотала, горячилась, не оставалась праздною; ей равно близки были и дѣроги семейныя дѣла и хозяйство, какъ и нужды родины, къ которымъ относилась она пламенно и порывисто, какъ и слѣдовало дочери Муравьева. Равнодушіе къ этимъ нуждамъ для нея было непонятно и даже преступно. Она была независима въ своихъ убѣжденіяхъ, и въ ней не было и тѣни услужливости и искательности міра сего.

Вижу ее въ Сырцѣ на любимомъ ея балконѣ, среди зеленѣющаго, дикаго винограда, окруженную дѣтьми, у стола съ кипящимъ самоваромъ; слышу также ея оживленную рѣчь и тонкій смѣхъ или выпышки ея благороднаго негодованія.

Балконъ этотъ такъ и остался подъ названіемъ „любимаго“ балкона. Софія Михайловна не разъ вспоминала о немъ въ Петербургѣ.

Это была натура цѣльная, правдивая и простая, не примирявшаяся съ уступками и двуличностями общественныхъ сношеній. Она была гостепріимна и понимала тонкости хорошаго стола. Однажды совершенно неожиданно устроился у нея „ряженный“ балъ и совершенно запросто безъ всякихъ затѣй. Всѣмъ было очень весело. Близко ей было семейство генераль-адъютанта Глинки-Маврина, сосѣднее по Сырцу... Она не дожила до замужества старшей дочери. Любила она бесѣдовать съ княземъ П. П. Вяземскимъ, съ которымъ нерѣдко встрѣчалась у насъ и всегда дарила ему коробки съ особыми длинными спичками. И онъ находилъ разговоръ ея занимательнымъ. Она во многомъ походила на своего отца и по характеру, и по складу ума, и по добродушію. Жаль, что не дошли до насъ его разговоры съ нею. Для характеристики Муравьева они были бы очень важны...

Въ сношеніяхъ дружбы она была надежна и постоянна, но часто волновалась: ей все хотѣлось, чтобы ее поняли и чувствовали такъ же, какъ она... „J'aime qu'on m'aime comme j'aime, quand j'aime“ *), говорила она, смѣясь; ее огорчалъ и волновалъ недомѣкъ, много было и болѣзненнаго въ умѣ ея возбужденія, но многое было неразлучно съ ея натурою; она могла становиться рѣзкою и взыскательною, но не надолго. Новый сердечный порывъ всегда пересиливалъ ея мимолетный гнѣвъ, и она всегда жалѣла о своемъ нетерпѣніи. Къ числу неизмѣнныхъ ея друзей принадлежали: А. Д. Столыпинъ, К. А. Гревсъ и П. А. Черевинъ.

Однажды, когда она возвращалась изъ нашего дома къ себѣ на Сергіевскую, она почувствовала первое нервное потрясеніе. Она долго послѣ этого болѣла, лежала въ кровати. Когда ей стало легче и языкъ вернулся, я былъ у нея. Лицо было блѣдное и такое мнѣ показалось маленькое; она улыбалась, выраженіе было кроткое и доброе. Все сознавая, она радовалась, что жизнь ея еще можетъ продлиться... Она бы и прожила, не будь новыхъ заботъ, а ей нуженъ былъ прежде всего безусловный покой.

Въ 1880 году въ Сырцѣ, подъ послѣднимъ впечатлѣніемъ заботъ и тревогъ о второмъ сынѣ, въ то самое время, когда она писала ему письмо, ее сразилъ новый нервный ударъ—на этотъ разъ смертельный. Трудно передать, чтѣ происходило въ Сырцѣ.

Не помню, какъ и когда мнѣ дали знать о случившемся; я поспѣшилъ въ Сырецъ. Вся семья въ оцѣпенѣніи, подхожу къ больной;

*) Люблю, чтобы меня любили такъ, какъ я люблю, когда люблю.

лежить, съ полужакрытыми глазами. При ней докторъ, который провель съ нею все лѣто, человекъ очень хорошій и внимательный. Онъ наклонился къ больной и громко назвалъ меня. Мнѣ показалось, что глаза ея задвѣгались, она качнула головой—приподняла руку... Были ли то послѣдній проблескъ сознанія, узнала ли меня, кто можетъ знать?

Одновременно со мною прибылъ въ Сырецъ П. М. Гедеоновъ, неизмѣнный, вѣрный другъ Софіи Михайловны. Она глубоко цѣнила его дружбу... И онъ остался ей вѣренъ до конца. Такіе дни и положенія не забываются. Мы стояли близъ окна въ небольшой ея спальнѣ. Дочери ея на колѣняхъ у кровати. Софія Михайловна въ послѣдній разъ вздохнула и отошла въ вѣчность... Это было 23 Августа 1880 года.

На Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры между могилою отца и матери оставалось одно свободное мѣсто. Согласно давнему ея желанію, ее положили здѣсь же подъ общую часовнею.

Теперь около часовни двѣ новыя могилы дяди Сергія Сергѣевича и сына ихъ Василя. Здѣсь, подъ общимъ сводомъ купола, осѣненнаго золотымъ крестомъ, рядомъ съ родителями, мужемъ и дѣтьми, нашла себѣ мѣсто упокоенія—дочь Муравьева.

Графъ Сергій Шереметевъ.

8 Апрелья 1892 года.
С.-Петербургъ.

